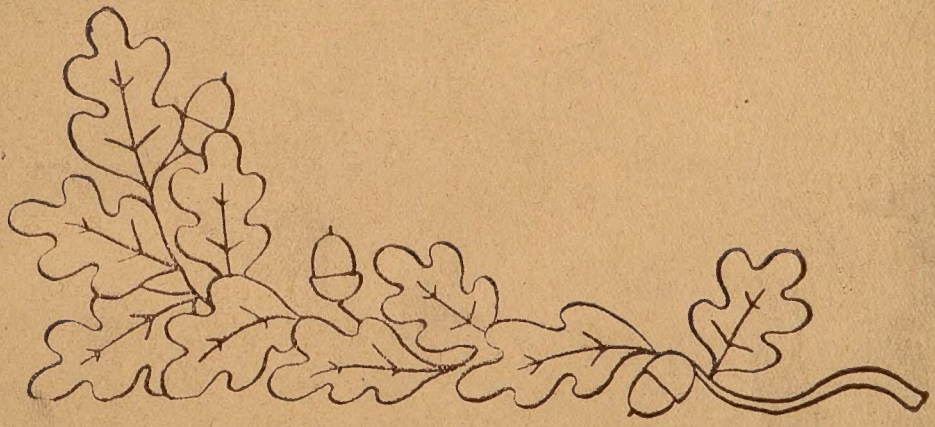
ЕД700
Р 319 3

рассказы о сталине



1

РАССКАЗЫ О СТАЛИНЕ

ЕРЕВАН АРМГИЗ 1943

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2011

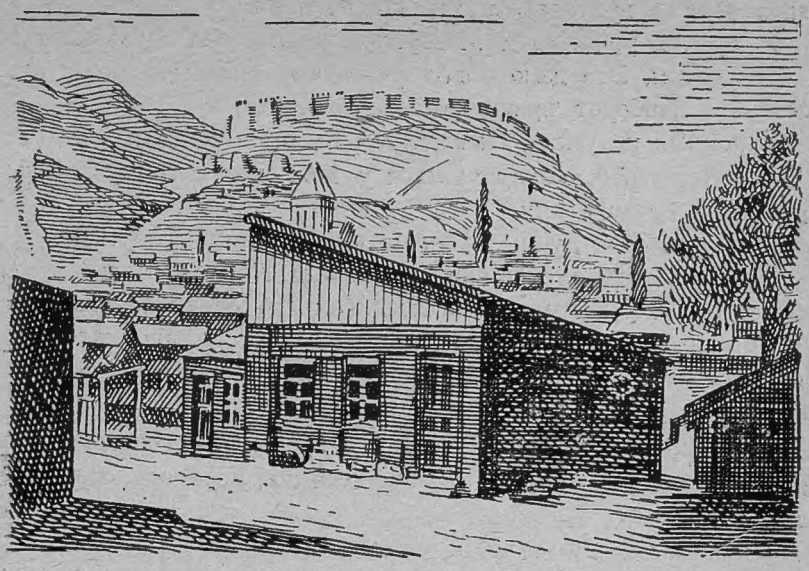
20

ЕД700.
Р 319 3

БИБЛИОТЕКА
589545

Помещенные в настоящем сборнике рассказы взяты из изданных Детиздатом ЦК ВЛКСМ в 1939 г.: „Рассказы о Сталине“ и „Дети о Сталине“.

Армиз



НА ШКОЛЬНОЙ СКАМЬЕ.

Город Гори с юга и запада омывают Кура и Лиахва. Он окружен плодовыми садами. В городе возвышаются развалины древней крепости—памятника средневековья.

В старом Гори было около восьми тысяч человек населения, много церквей, лавок, духанов и на весь тогдашний уезд четыре учебных заведения: городское четырехклассное училище, духовное четырехклассное, учительская семинария и женская прогимназия.

В этом городе в семье сапожника Виссариона Джугашвили в 1879 году родился мальчик, которому дали имя Иосиф.

В 1890 году, поступив в горийское духовное училище, я впервые встретился с одиннадцатилетним Иосифом Джугашвили.

Предметы у нас проходились на русском языке, и лишь два раза в неделю преподавали грузинский язык.

Я, будучи уроженцем Мингрелии, произносил грузинские слова с акцентом. Это дало повод ученикам смеяться надо мной. Иосиф же, наоборот, пришел мне на помощь.

Скромный и чуткий, он подошел ко мне и сказал:

— Ну, давай я буду учиться у тебя мегрельскому языку, а ты у меня—грузинскому.

Это движение души товарища сильно растрогало меня.

Не одна только скромность отличала Иосифа. Большие способности и любознательность выделяли его среди учеников.

Обычно, он был серьезен, настойчив, не любил шалостей и озорства. После занятий спешил домой, и всегда его видели за книгой.

Дядя мой, Виссарион Гогохия, в квартире которого я поселился, переехал в дом Китшидзе. Здесь же, во дворе, жил Иосиф с матерью.

Их комната имела не более девяти квадратных аршин и находилась около кухни. Ход со двора прямо в комнату, ни одной ступени. Пол был выложен кирпичом, небольшое окно скупо пропускало свет. Вся обстановка комнаты состояла из маленького стола, табуретки и широкой тахты, вроде нар, покрытой «чилопи»—соломенной циновкой.

Мать Иосифа имела скудный заработок, занимаясь стиркой белья и выпечкой хлеба в домах богатых жителей Гори. За комнату надо было платить полтора рубля в месяц, но не всегда удавалось скопить эти полтора рубля.

Тяжелая трудовая жизнь матери, бедность сказывались на характере Иосифа. Он не любил заходить к людям, живущим зажиточно. Несмотря на то, что я бывал у него по нескольку раз в день, он поднимался ко мне редко, потому что дядя мой жил по тем временам богато.

Отец Иосифа—Виссарион—проводил весь день в работе: шил и чинил обувь.

За что ни брался Иосиф, все усваивал глубоко и основательно. На подготовку к урокам у него уходило очень мало времени.

Благодаря своей исключительной памяти он, внимательно слушая педагога, запоминал урок и не нуждался в повторении.

Свободное от занятий время уходило на чтение книг. Он перечитывал все, что было в школьной библиотеке,—произведения

грузинских и русских классиков—и по своему развитию и знаниям стоял намного выше своих школьных товарищей.

Это дало основание назначить ему одному ежемесячную стипендию.

★

Горийское училище мы окончили в 1894 году. На выпускных экзаменах Иосиф особенно отличился. Помимо аттестата с круглыми пятерками, ему выдали похвальный лист, что для того времени являлось событием из ряда вон выходящим, потому что отец его был не духовного звания и занимался сапожным ремеслом.

Осенью того же 1894 года мы приехали в Тифлис—впервые в нашей жизни очутились в большом городе.

Нас ввели в четырехэтажный дом, в огромные комнаты общежития, в которых размещалось по двадцати-тридцати человек. Это здание и было тифлисской духовной семинарией.

Жизнь в духовной семинарии протекала однообразно и монотонно. Вставали мы в семь часов утра. Сначала нас заставляли молиться, потом мы пили чай, после звонка шли в класс. Дежурный ученик читал молитву «Царю небесный», и занятия продолжались с перерывами до двух часов дня. В три часа—обед, в пять часов вечера—перекличка, после которой выходить на улицу строго запрещалось.

Позже вели на вечернюю молитву, в восемь часов пили чай, затем расходились по классам—готовить уроки, а в десять часов—по койкам, спать. Мы чувствовали себя как бы в каменном мешке.

Ученики не имели права обсуждать свои нужды и запросы. Все, что преподавалось, якобы означало непреложную истину. Горе любопытному и любознательному! Сомнениям не должно было быть места. Критические суждения о явлениях природы, о страницах священного писания считались кощунством.

Инспектор Абашидзе строго и придирчиво следил за пансионерами, за их образом мыслей, времяпрепровождением и, кроме того, позволял себе производить обыски. Обыскивал нас и наши личные ящики.

Семинарская атмосфера тяготила Иосифа Джугашвили. Он сразу понял, что преподаваемые в семинарии предметы не могут удовлетворить человека развитого.

Он жаждал знать основы всего происходящего в мире, доискивался до первопричины, добивался ясного понимания вопросов, на которые семинарский курс не давал ответа.

Иосиф не терял времени и энергии на усвоение легенд из священного писания и уже с первого класса стал интересоваться светской литературой, общественно-экономическими вопросами. В этом ему помогали ученики старших классов. Узнав о способном и любознательном Иосифе Джугашвили, они стали беседовать с ним и снабжать его журналами и книгами.

За год Иосиф настолько политически развился, вырос, что уже со второго класса стал руководить группой товарищей по семинарии.

Сталин самостоятельно составил план работы кружка и проводил с нами беседы. Однако вести кружок в стенах семинарии почти не представлялось возможным. Инспектор Абашидзе установил строгую слежку. Он чувствовал, что где-то, что-то завелось, что молодежь кроме священного писания, занимается еще чем-то иным, и нам пришлось подумать о месте сбора.

По предложению Иосифа, была снята комната за пять рублей в месяц под Давидовской горой. Там мы нелегально собирались один, иногда два раза в неделю в послеобеденные часы—до переклички.

Иосиф жил в пансионе, и денег у него не было, мы же получали от родителей посылки и деньги на мелкие расходы. Из этих средств платили за комнату.

Члены кружка были отобраны самим Иосифом по надежности и конспираторским способностям каждого.

Среди семинаристов были доносчики, которые сообщали инспектору Абашидзе о настроениях и занятиях учеников и в особенности Иосифа Джугашвили.

В кружке Иосиф читал нам произведения Игнатия Ниношвили, разъяснял теорию Дарвина о происхождении человека, а к концу года мы перешли к чтению политической экономии и отрывков из книг Маркса и Энгельса.

Мы следили также за сообщениями и дискуссиями на страницах газеты «Квали»[1]. Задавали Иосифу вопросы, и он разъяснял нам все просто, ясно, четко.

Иосиф не ограничивался устной пропагандой идей Маркса-Энгельса. Он создал и редактировал рукописный ученический журнал на грузинском языке, в котором освещал все спорные вопросы, обсуждавшиеся в кружке и на страницах «Квали».

Наш семинарский журнал представлял собою тетрадь страниц в тридцать. Журнал выходил два раза в месяц и передавался из рук в руки.

В этот период Иосиф был всецело поглощен политической литературой, но на покупку книг у него не было денег. И вот на помощь опять приходит его великолепная память. Он ходил к букинистам, останавливал взгляд свой на интересующей его книге, раскрывал ее, и пока букинист возился с покупателями, вычитывал и запоминал нужные ему места.

Революционное настроение среди семинаристов росло и крепло.

Споры и диспуты становились явлением обыденным. Рукописный журнал, печатная политическая литература и «Квали» заполняли карманы членов кружка.

Все это не могло пройти незамеченным. Инспектор Абашидзе

---

1) «Квали» (Борозда)—еженедельная газета на грузинском языке. В 1893 г. издавалась под редакцией Г. Церетели как орган либерально-националистического направления. После раскола РСДРП «Квали» стала органом грузинских меньшевиков. Существовала до 1904 г.

усилил слежку, и нам стало труднее ускользать от наблюдения его прислужников.

Однажды вечером, когда мы готовили уроки, в классе неожиданно появился Абашидзе. Не найдя ничего предосудительного в ящиках, он стал обыскивать учеников.

На той же неделе после тщательного обыска инспектор нашел у Иосифа исписанную тетрадь со статьей для нашего рукописного журнала.

Абашидзе не замедлил выступить с материалом на заседании совета семинарии. В результате мы получили двойки по поведению и последнее предупреждение.

Беседы в кружке и постоянные дискуссии отражались на наших семинарских занятиях. Однако Иосиф, не затрачивая особых усилий, с легкостью перешел в следующий класс. Но успех этот не обманул начальство семинарии. Свирепый монах Абашидзе догадывался, почему талантливый, развитой, обладавший невероятно богатой памятью Джугашвили учится на «тройки». Он снова поднял этот вопрос на заседании совета семинарии, обрисовал наше увлечение политическими вопросами, охарактеризовал главенствующую роль Джугашвили во всем этом и добился постановления об исключении его из семинарии.

Так кончилась наша совместная школьная жизнь, прошли детские и юношеские годы.

Иосиф Джугашвили вышел из семинарии без диплома, но с определенными, твердыми взглядами на жизнь. Он уже знал и понимал, что ее надо расколоть и перестроить.

Меня же судьба закинула обратно в деревню. Отца не было в живых, и я должен был искать работу.

Иосиф не вернулся в Гори.

Он целиком погрузился в революционную работу.

Д. ГОГОХИЯ.

ТАКИМ Я ЕГО СЕБЕ ПРЕДСТАВЛЯЮ.

Мне всегда казалось, что я знаком с товарищем Сталиным. Это было в те времена, когда я не только ни разу не видел товарища Сталина, но даже не решался думать, что мне выпадет счастье беседовать с великим вождем. Ведь товарищ Сталин один, а нас миллионы...

Образ товарища Сталина давно запечатлелся в моей памяти и в моем сердце, как образ родного и близкого человека. Я, как и мои товарищи шахтеры, прислушивался к каждому слову товарища Сталина. Каждая речь его, напечатанная в газетах, по многу раз перечитывалась, так что некоторые фразы прямо заучивались.

Речь товарища Сталина на выпуске академиков Красной Армии, где говорилось о том, что люди, овладевшие техникой, могут творить чудеса, была произнесена в мае 1935 года. Много было у нас по этому поводу переговорено и передумано. У каждого в мыслях было желание показать, на что способны советские люди, овладевшие техникой. Так родился и мой рекорд в ночь на 31 августа 1935 года.

А вскоре я сам увидел и услышал товарища Сталина.

Произошло это так.

В начале ноября 1935 года я приехал в Москву. Меня пригласили на празднование XVIII годовщины Великой Октябрьской революции. Приехало много гостей с разных концов страны. Здесь я встретил товарищей, известных по газетам, и познакомился с Александром Бусыгиным, Дусей Виноградовой, Марусей Виноградовой, Николаем Сметаниным и другими героями труда.

Все мы, разумеется, с нетерпением ждали дня 7 ноября, когда

будем на Красной площади и там наверняка увидим товарища Сталина.

Днем 6 ноября мы встретились с москвичами. Нас пригласил к себе руководитель московских большевиков—Никита Сергеевич Хрущев, наш земляк, бывший донецкий шахтер. А вечером мы были в Большом театре на торжественном собрании московских организаций, посвященном годовщине Октябрьской революции. И тут-то я увидел впервые в своей жизни родного товарища Сталина и его соратников, увидел днем раньше, чем рассчитывал. В Большом театре мне все нравилось, привлекала его красота. Но театр я не особенно разглядывал, так как не отрывал глаз от товарища Сталина. Мне очень хотелось быть ближе к нему, пожать руку и поговорить с ним.

Я всматривался в товарища Сталина, следил за каждым его движением. Сталин был одет в простую серую тужурку. Он разговаривал с товарищами в президиуме и весело улыбался. И мне было радостно на него глядеть.

11 ноября все гости столицы совершили экскурсию в Кремль. Нас было много, и мы разбились на три группы. В одной группе—наша донецкая делегация, в другой—ленинградские товарищи вместе с Дусей и Марусей Виноградовыми, в третьей группе ударники Украины и Московской области.

Кремль нам очень понравился. Мы осмотрели Оружейную палату, собор, царь-пушку, царь-колокол и кремлевские площади.

Когда мы вернулись в гостиницу, я узнал, что украинские и московские стахановцы встретились во время экскурсии с товарищами Сталиным и Орджоникидзе. Я страшно жалел, что меня не было среди этих экскурсантов.

Когда я прослушал рассказ товарищей, беседовавших со Сталиным, я позавидовал им, но теперь уже не терял надежды, что когда-нибудь и мне посчастливится.

На следующий день мы собирались уезжать из Москвы. На руках у нас были уже билеты. Неожиданно звонят в гостиницу, чтобы мы билеты вернули, из Москвы не уезжали, так как нас приглашает к себе нарком товарищ Орджоникидзе.

У Серго мы пробыли несколько часов. Он очень тепло с нами беседовал, обо всем расспрашивал, а мы все рассказали ему. Серго назвал стахановцев советскими богатырями. Когда кончилась беседа, товарищ Орджоникидзе сказал, что мы еще встретимся с товарищем Сталиным, который очень интересуется стаха-

новским движением. Он хочет нас повидать, послушать. Когда Серго сказал про товарища Сталина, у меня сильнее забилось сердце.

И вот день этот наступил—день 14 ноября. Едем в Центральный Комитет партии. В машине тихо—все о чем-то думают. А думают, наверное, об одном: каков Сталин, что он спросит, что скажет.

Приехали. Вошли в зал, быстро уселись. Каждый старался занять место ближе к столу президиума, так как знал, кто будет находиться за этим столом. И вот идут товарищи Сталин, Молотов, Каганович, Орджоникидзе, Ворошилов, Калинин, Андреев, Микоян, Жданов, Хрущев. Идут и раскланиваются, здороваются. В зале произошло что-то невероятное. Мы все вскочили с мест и со всей силой стали аплодировать. Я смотрю на товарища Сталина, а он стоит веселый, улыбается нам, аплодирует и поднимает правую руку, приветствуя нас. Мы долго не могли успокоиться—все приветствовали товарища Сталина и его соратников.

Серго Орджоникидзе открыл собрание—это было начало Первого всесоюзного совещания стахановцев.

Когда Серго назвал в речи имя товарища Сталина, мы начали бурно аплодировать. Товарищ Сталин смотрел на нас, как на своих родных, а мы смотрели на товарища Сталина, на его приятное лицо, в его живые, чуть прищуренные глаза. Я заметил у товарища Сталина седину и подумал: ведь ему уже 56 лет, он так много перенес в своей жизни—и тюрьмы, и ссылки, и лишения. Но, думал я, товарищ Сталин, наверное счастлив, что видит результаты борьбы большевиков, результаты своего труда. Ведь и я и сидящие рядом со мной товарищи—воспитанники товарища Сталина. «Это ты и партия, которой ты руководишь, сделали из нас людей», хотелось ему сказать.

Я знал, что мне придется выступать, кое-что наметил в блокноте и волновался. Когда товарищ Серго закончил свою речь, он сразу мне предоставил слово. Мне стали аплодировать. Я, волнуясь, тем временем просмотрел свои заметки, оглядел окружающих и успокоился.

Товарищ Сталин повернулся в мою сторону. Увидев его отцовский взгляд, я почувствовал себя свободно, точно у себя в шахте, среди своих людей, и рассказал, как было дело, как добился рекорда, и выразил благодарность товарищу Сталину, которому мы обязаны новой, счастливой жизнью.

Я говорил, а товарищ Сталин меня внимательно слушал. Я старался говорить как можно короче, мне было как-то неловко отнимать много времени. У товарища Сталина масса дел, и ему нужно сказать главное да покороче.

Я был горд собою. Вчерашний темный батрак и пастух высказывал свои мнения руководителям народа. И тут же я подумал: ведь и они вышли из самого народа. Да, только в нашей стране возможны такие встречи, такие задушевные беседы между вождями и рядовыми рабочими, которые говорят им про свои подвиги на трудовом фронте!

После меня выступил железнодорожный машинист Петр Кривонос, а затем кузнец Бусыгин. Он рассказал о своих рекордах на ковке валов.

Товарищ Сталин, который очень внимательно слушал всех, спросил его:

— Качество валов не портится от быстрой работы?

— Наоборот,—ответил Бусыгин,—меньше брака получается и качество лучше. Раньше я делал четыреста пятьдесят штук, а брак—двадцать штук. Теперь я даю тысячу сто штук, а брак—две штуки.

Потом выступила Дуся Виноградова. Облокотившись о стол, она начала свой рассказ о высокой производительности и высоких заработках. Если раньше она зарабатывала двести—двести семьдесят рублей в месяц, то при работе на ста сорока четырех станках ее заработок достиг шестисот рублей. Она посмотрела на товарища Сталина и сказала:

— Смотрите, как я повысила свою заработную плату!

А товарищ Сталин ей отвечает:

— Очень хорошо.

Потом выступил Мирон Дюканов. Между ним и товарищами Сталиным и Орджоникидзе завязался очень интересный разговор. Товарищ Орджоникидзе спросил Дюканова:

— Сколько у вас было забойщиков до стахановского движения и сколько забойщиков теперь?

Дюканов ответил, что до стахановского движения было двадцать три забойщика, а сейчас двадцать. Раньше мы сами рубали и сами крепили, а сейчас труд разделили. Товарищ Сталин обратил на это внимание и сказал:

— В этом суть успеха.

И товарищ Орджоникидзе подтвердил:

— Это главное.

Выступает богатырь Донбасса Никита Изотов. За ним слово получает известная ткачиха Родниковского комбината «Большевик» Ивановской области Тася Одинцова, которая соревновалась с Виноградовыми. Товарищ Орджоникидзе так и объявил:

— Слово имеет товарищ Одинцова, соперница Виноградовых.

— Посмотрим, чья возьмет!—сказал товарищ Сталин.

Одинцова сказала в своей речи, обращаясь к товарищу Сталину:

— Заверяю вас, товарищи, что, соревнуясь с Дусей Виноградовой, я надеюсь, что план перевыполню и оставлю ее позади себя.

А Виноградова ее тут спрашивает:

— Ты на сколько перейдешь?

Одинцова говорит:

— На сто пятьдесят шесть станков.

А Виноградова с места кричит:

— А мы на двести восемь!

Товарищ Сталин стоял у стены и, раскуривая трубку, наблюдал эту сцену.

Самым молодым делегатом Первого всесоюзного совещания стахановцев был токарь из города Куйбышева—Коля Курьянов.

Серго об'явил:

— Слово имеет старейший токарь Курьянов...

Все посмотрели: в самом деле думали, сейчас старик поднимется на трибуну, а поднялся семнадцатилетний мальчик, круглолицый, остриженный под скобку.

Товарищ Сталин поднялся со своего места, перегнулся через стол и взглянул на Курьянова. Серго спросил, сколько он зарабатывает.

— До того, как я стал бусыгинцем,—шесть рублей в день, сейчас двадцать пять рублей,—ответил Курьянов.

Товарищ Сталин захохотал, весело взглянул на Курьянова и долго ему аплодировал.

С замечательными речами выступали товарищи Молотов, Ворошилов, Орджоникидзе, Лазарь Моисеевич Каганович, Микоян, Жданов, Хрущев.

Всего не перескажешь.

Все мы мечтали о том, чтобы услышать товарища Сталина. Но совещание подходило к концу, и мы сильно беспокоились:

вдруг товарищ Сталин не выступит? А 17 ноября вечером Орджоникидзе предоставляет слово начальнику цеха московской электростанции Скатерщикову и тут же говорит, что следующим будет выступать товарищ Сталин.

Что тут делалось! Радости нашей не было конца. Признаться, мы уже мало слушали Скатерщикова, потому что все горели нетерпением поскорее услышать Сталина.

И вот кончает свою речь Скатерщиков, и Серго об'являет:

— Слово имеет товарищ Сталин.

Точно гром грянул. Более трех тысяч человек, которые заполняли весь Кремлевский зал, поднялись с места. Долгие минуты мы аплодировали и приветствовали вождя.

Товарищ Сталин поднялся и пошел к трибуне. Мы стояли и кричали:

— Да здравствует товарищ Сталин!

А товарищ Сталин стоял на трибуне спокойный, улыбающийся и смотрел на нас глазами отца и учителя. Со всех концов зала неслись ему приветствия. Товарищ Сталин поднял руку, требуя тишины. Он несколько раз пытался нас успокоить, приглашал садиться. Но ничего не помогало. У каждого в сердце так много накопилось прекрасных чувств к товарищу Сталину, что каждый хотел эти чувства выразить. Товарищ Сталин обвел глазами весь зал, а зал бурлил. Из груди у всех как-то сразу вырвалась песня, и мы запели «Интернационал». Потом снова продолжалась овация. Товарищ Сталин обернулся к президиуму—наверное, требуя установить порядок. Серго показал ему на зал. Товарищ Сталин вынул часы и показал их нам. Но мы не признавали времени. Долго звонил товарищ Орджоникидзе, пока все утихли.

Зато, когда товарищ Сталин начал говорить, стояла полнейшая тишина, потому что каждый старался все услышать и не пропустить ни одного слова.

Товарищ Сталин говорил просто и понятно, и слова его проникали глубоко в сознание. Товарищ Сталин не раз называл мою фамилию, называл Бусыгина и других товарищей. Как я волновался, когда он говорил о нас! Да разве можно было не волноваться, когда он говорил, что мы бросили искру, из которой разгорелось пламя! И я подумал тогда: «Стаханов, то, что ты сделал,— это только начало. Ты должен сделать еще больше»...

Товарищ Молотов в своей речи рассказывал, какие муки пришлось пережить архангельскому лесопильщику Мусинскому—пер-

вому стахановцу лесной промышленности. Мусинский тайком от хозяйственников и контролеров выполнял новые, высокие технические нормы. Товарищ Сталин напомнил о Мусинском и тут же сказал:

— Судьба самого Стаханова была не лучшей, ибо ему приходилось обороняться при своем движении вперед не только от некоторых чинов администрации, но и от некоторых рабочих, высмеивавших и травивших его за «новшества».

Я только поразился, откуда товарищ Сталин знает все подробности нашей работы. Я думал: откуда товарищ Сталин знает, что заведующий моей шахтой, Заплавский, выступил против стахановского движения, что вначале некоторые несознательные рабочие были недовольны моими рекордами?

Мне очень понравилось, как товарищ Сталин нас обрисовал:

— Вы видели здесь Стаханова и Бусыгина,—говорил он. Они выступали на совещании. Это—люди простые и скромные, без каких бы то ни было претензий на то, чтобы стяжать лавры фигур всесоюзного масштаба. Мне даже кажется, что они несколько смущены тем размахом движения, которое развернулось у нас вопреки их ожиданиям.

Еще бы не смущаться!

Товарищ Сталин говорил так ясно, что все мне было понятно. Я все запоминал и в блокнот записывал, чтобы по приезде рассказать подробно всем товарищам.

Перед тем как закончить свою речь, товарищ Сталин, улыбаясь, сказал:

— Мы здесь в президиуме совещались и решили, что придется как-либо отметить это совещание руководителей власти с руководителями стахановского движения. И вот мы пришли к такому решению, что человек сто—двести из вас придется представить к высшей награде. Если вы одобряете, товарищи, то мы это дело проведем,—закончил товарищ Сталин свою речь.

Опять что-то особенное творилось в Кремлевском зале.

Без конца неслись приветствия товарищу Сталину. С большим, особенным подъемом мы спели «Интернационал», и вместе с нами пели стоявшие на трибуне руководители партии и правительства.

Товарищ Серго объявил совещание закрытым. Не хотелось расставаться с товарищем Сталиным, с нашими руководителями. Вдруг кто-то запел песню из «Веселых ребят». Ее подхватил то-

варищ Жданов. Он запевал, а Климент Ефремович Ворошилов, стоя на подмостках, дирижировал. Было весело и радостно, но в то же время было жалко, что расстаемся.

★

Следующая моя встреча с товарищем Сталиным произошла в феврале 1936 года, когда я был вызван в Москву для получения ордена Ленина. 5 февраля на заседании Президиума ЦИК я встретился с Иосифом Виссарионовичем Сталиным, с товарищами Молотовым, Орджоникидзе и Ворошиловым. После получения орденов мы сфотографировались с товарищем Сталиным. Потом я подошел к нему, крепко пожал руку, поблагодарил, а он спросил, как мои дела, как работаю и живу. Я сказал, что все идет хорошо.

А через несколько месяцев — в ноябре — я был снова в Москве, в Кремле, как делегат Чрезвычайного VIII Всесоюзного съезда Советов.

Еще задолго до открытия съезда иду в Большой Кремлевский дворец. Он быстро заполняется делегатами. Тут—люди со всех концов нашей страны. Русские, украинцы, белоруссы, туркмены, узбеки, армяне, евреи, грузины, казахи, татары—да разве всех перечтешь! Многие делегаты в своих национальных костюмах. Песни поем. Все с нетерпением ожидаем открытия съезда.

589545

Но вот в президиум идут товарищи Сталин, Молотов, Каганович, Калинин, Ворошилов, Орджоникидзе, Андреев. Трудно передать словами то, что происходило в эти минуты. Женщины машут платками. Все делегаты на родных языках приветствуют великого вождя.

Михаил Иванович Калинин произносит речь. Потом он слово для доклада о проекте новой Конституции Союза ССР предоставляет товарищу Сталину. Мы все встаем с мест. Наши чувства принадлежат товарищу Сталину. Я видел, как у многих делегатов, моих соседей, от радости на глазах появились слезы. Я товарища Сталина видел и слышал, но волновался и радовался ничуть не меньше тех, кто видел и слышал его в первый раз.

Товарищ Сталин говорил, как и на стахановском совещании, просто, уверенно и на понятном для всех языке. Когда он говорил, в зале была полная тишина. Все, что он говорил в своем докладе, мы испытали в своей жизни. Всеми теми правами, которые нам дает Конституция, мы пользуемся,—и мы знаем, что этих достижений мы добились под руководством товарища Сталина. Поэтому так горячо встречал его съезд.

БИБЛИОТЕКА

Товарищ Сталин говорил спокойно. А подконец он поднял вверх обе руки со сжатыми кулаками и горячо сказал:

— На новую победу для завоевания новых побед коммунизма!

Мы с большим энтузиазмом ответили на эти слова.

После того как закончились прения, съезд постановил создать редакционную комиссию для установления окончательного текста Конституции. Членом редакционной комиссии съезд избрал также меня.

3 декабря комиссия собралась в Кремле. Я был несказанно рад тому, что мне предстоит работать вместе с товарищем Сталиным. Товарищ Сталин занял место председателя. Заседание комиссии проходило просто. Каждую статью читал товарищ Сталин. Прочитает и спрашивает: какие имеются у членов редакционной комиссии поправки или изменения? Когда член комиссии заявлял, что у него есть поправка, товарищ Сталин говорил ему: «Идите сюда на трибуну и говорите всем, чтобы люди вас видели и слышали». По многим пунктам Конституции были прения. Вопрос решали голосованием. Иосиф Виссарионович сам вносил много предложений.

5 декабря все делегаты собрались в Большом Кремлевском дворце. Товарищ Андреев предоставил слово для доклада редакционной комиссии товарищу Сталину. Я не буду повторять его речь, так как все ее, конечно, читали. Товарищ Сталин подробно доложил съезду, какие мы внесли поправки в Конституцию на заседании редакционной комиссии.

Ровно в 6 часов вечера 5 декабря 1936 года мы проголосовали и утвердили Сталинскую Конституцию. И, когда Конституция была одобрена, мы дружно спели «Интернационал».

Этот день, когда Союз Советских Социалистических Республик принял свою новую, Сталинскую Конституцию, народы нашей страны никогда не забудут. За несколько минут до закрытия съезда было внесено предложение, чтобы день 5 декабря объявить всенародным праздником. Каждый год в этот день мы будем вспоминать о замечательном Съезде Советов, о докладе товарища Сталина—творца нашей Конституции.

★

Приведу еще два эпизода.

29 октября 1937 года. Прием работников металлургической и угольной промышленности руководителями партии и правительства

Присутствуют товарищ Сталин и его соратники. Выступают Каганович, Молотов и Ворошилов.

Товарищ Сталин беседует с металлургами, с горняками.

Вот он подзывает к себе старого, заслуженного шахтера товарища Рябошапку. Спрашивает, как у него дела. А дела в Донбассе шли неважно. Рябошапка откровенно ответил:

— Плохо, товарищ Сталин. Мало угля даем.

Я тоже собирался подойти к товарищу Сталину; хотелось поговорить, но стеснялся. Через несколько времени ко мне подходит товарищ Сталин. Здоровается, берет под руку, ведет к своему столу и говорит:

— Что же вы стесняетесь, не подходите?..

И тут же товарищ Сталин объясняет мне:

— Дело немножко плоховато с углем, поэтому народ собрали...

— Уголек должен все-таки пойти, — ответил я товарищу Сталину.—В Донбассе враги навредили немало и сейчас еще для рабочих не создают нужных условий—оттого меньше угля.

— Это правильно,—твердо сказал товарищ Сталин.—Когда никто не будет мешать рабочему и ему будут созданы условия—уголь будет. Несомненно будет.

Разговорились, и я подконец сказал товарищу Сталину:

— Я теперь учусь в академии. Постараюсь быстрее окончить и пойду работать, куда вы меня пошлете. С честью буду оправдывать доверие.

Товарищ Сталин отнесся к этому одобрительно. Спросил меня, как я живу, какая у меня квартира. Я ответил, что живу хорошо и квартира хорошая — Лазарь Моисеевич лично позаботился.

Товарищ Сталин произнес тост:

— За здоровье товарищей Стаханова, Дюканова, Изотова, Рябошапки и других!

Потом—за здоровье доменщика Коробова, за всю семью доменщиков Коробовых.

Коробов-отец ответил:

— Товарищ Сталин, я уже старик, но я положу все свои силы, чтобы выполнить ваше пожелание и быть впереди других металлургов.

Далеко за полночь затянулась дружеская беседа руководителей партии и правительства с металлургами и угольщиками.

17 мая 1938 года. В Кремле—прием работников высшей школы. Я получил приглашение. Сижу за столом. Появляются товарищ Сталин, руководители партии и правительства. Они проходят через зал. Товарищ Сталин машет рукой, здоровается.

У меня были некоторые дела по депутатской линии к товарищу Молотову. Я пишу записку: «Вячеслав Михайлович, есть у меня дело к Вам, хочу пару слов Вам сказать». Товарищ Молотов поднял руку и поздоровался со мной. Через несколько минут меня зовут. Я иду вперед, к центральному столу, здороваюсь с товарищами Сталиным, Молотовым, Кагановичем, Ворошиловым, Калининым. Товарищ Молотов усадил меня подле себя и спросил, какие у меня к нему дела. Я сказал, что прошу отпустить автомашины для двух колхозов моего избирательного округа. Вячеслав Михайлович ответил:

— Поможем!

Товарищ Сталин выступил на приеме с замечательной речью о передовой науке. Товарищ Сталин указал и на то, что рядовые рабочие, рядовые люди могут быть новаторами науки. И в заключение он провозгласил тост «за здоровье Стаханова и стахановцев, Папанина и папанинцев».

Я тут же взял слово и, волнуясь от радости, сказал:

— Спасибо товарищу Сталину, который поднял нас на такую высоту!

...Я слушал товарища Сталина на XVIII съезде ВКП(б). Кто не запомнит на всю свою жизнь эту историческую речь!

Я видел товарища Сталина на приемах участников первомайских и октябрьских парадов. Кто не запомнит на всю жизнь эти братские встречи вождя с летчиками и артиллеристами, танкистами и пехотинцами, моряками и пограничниками!

Я видел много раз товарища Сталина, стоящим на трибуне мавзолея в красноармейской шинели, с высоко поднятой рукой, зовущей вперед и вперед. Таким я себе представляю его всегда— нашего отца, зовущего к полной победе коммунизма.

А. СТАХАНОВ.

ДВА ДНЯ МОЕЙ ЖИЗНИ.

Далеко отстоят друг от друга эти два дня моей жизни. Я бы сказал—не годы, а пропасть лет лежит между ними. Фронт под Царицыным. После боя у Котлубани я попадаю с группой бойцов в деникинский плен. Выстроили нас белые в две шеренги. Повернули лицом друг к другу и предложили назвать коммунистов. Молчание. Ни одного предателя не оказалось среди нас.

Тогда белогвардейцы пошли на хитрость. Они велели металлистам, слесарям, токарям, машинистам назвать себя. Им-де нужны рабочие. Квалифицированных рабочих они обещают немедленно выпустить на свободу.

Несколько человек попались на удочку белым. Среди них был и друг мой—токарь первой руки Ермолаев.

Все вышедшие из рядов квалифицированные рабочие были беспощадно расстреляны в ту же ночь. Таким образом белобандиты хотели уничтожить пролетарский костяк нашего отряда. Мы, оставшиеся в живых, были прогнаны этапом триста верст, чтобы затем попасть в крепостные к казакам-богатеям. Я убежал от своего хозяина-кулака.

Снова у своих. Красная армия. Фронт. Демобилизация. Работа в шахте. Партийная работа.

...И вот другой день. Москва. Кремль. Речь Сталина на Всесоюзном совещании стахановцев.

Я никогда не чувствовал себя таким счастливым, как в этот день. Ощущение победы, завоеванной мною, моими товарищами, всем рабочим классом, чувствовал я особенно сильно. Сталин говорил, и каждое его слово, как знамя, подымалось над нами.

Он говорил о том, что стахановское движение—это новый, высший этап социалистического соревнования. Гордость переполняла меня. Ведь это наша шахта «Центральная—Ирмино»—родина стахановского движения.

На моих глазах рождались стахановские методы. Ведь я парторг того участка, в котором работает Стаханов.

— Жить стало лучше, жить стало веселей,—говорит Сталин.

Сталин улыбается. Как должна тревожить наших врагов веселая сталинская улыбка! Как радует она нас!

Сталин говорит о счастливой, веселой жизни. Ведь он—первый кузнец этой жизни. Все во мне пело, когда я слушал его.

Перед моими глазами родное Ирмино. Стахановский поселок, который мы выстроили для лучших рабочих. Здесь светлые, удобные, просторные квартиры. Дома залиты электрическим светом. Весело поет молодежь на улицах «Центральная—Ирмино».

Грустную шахтерскую песню, как правильно рассказывал на совещании старый донецкий шахтер Никита Сергеевич Хрущев, песнь нищеты и горя не поют больше на нашей сегодняшней шахтерской улице. Комсомольцы складывают иные песни—о новой счастливой шахтерской жизни.

Хорошо стало жить. Замечательно! Шахтеру уже нехватает не хлеба, как в былые годы,—ему нехватает книг, музыкальных инструментов, патефонов, радиоприемников.

Мы провели небольшое обследование наших рабочих. Опросили, какую кто в чем ощущает нужду. И вот результат.

Рабочим шахты «Центральная—Ирмино» сейчас требуется двести велосипедов, десять пианино, сто патефонов, сто радиоприемников, а удалось нам выявить запросы только у нескольких сот наших рабочих.

Когда появился наш Сталин на трибуне, аплодисментам не было конца. Все запели «Интернационал». И я запел. Я видел, как вместе с нами дружно пели пролетарский гимн наши любимые руководители. Товарищ Сталин так душевно и просто благодарил нас за учебу—наш учитель, наш вождь!

Мало слов у шахтера. Прежняя жизнь сделала шахтера молчаливым, скупым на слова. Но самые лучшие я хочу найти, чтобы сказать ими о Сталине, нашем дорогом, любимом.

... Я выступил на совещании и особо остановился на том, как мы организовали труд в забое; товарищ Сталин подал короткую реплику:

— В этом суть!

Два слова, а как обогатили они меня! Еще больше буду работать над тем, чтобы правильно организовать труд не только на участках нашей шахты, но и чтобы передать наш опыт другим шахтам нашего Союза.

М. ДЮКАНОВ.

Я ВИДЕЛ СТАЛИНА.

Из дневника

В первый раз близко я видел этого великого человека в 1934 году, когда окончился первомайский парад на Красной площади. Я тогда служил летчиком.

2 мая мы выстроили свои четырехмоторные корабли на Центральном аэродроме имени Фрунзе, а сами по подразделениям стояли в ожидании дорогих гостей. Товарищи Сталин, Ворошилов и Горький долго обходили ряды. Спереди, спокойной походкой, немного расставляя, как моряк, ноги в стороны, шел товарищ Сталин. Он то поднимал вверх приветливо правую руку, то прятал ее за борт шинели и внимательно вглядывался в лица бойцов. Здесь я впервые близко увидел его чуть улыбающиеся глаза.

С тех пор прошло довольно много времени. Однажды, после испытательного полета, я только что посадил машину на аэродром, сижу с механиком и разговариваю с ним о величине компенсатора руля поворотов. Вдруг подъезжает автомобиль с директором завода. Директор приглашает в свой кабинет. Сообщает, что едем на заседание в Кремль.

Когда мы вошли в зал, заседание было в полном разгаре. Товарищ Ворошилов говорил речь. На председательском месте сидел товарищ Молотов. Товарищ Сталин стоял у окна и набивал табаком свою любимую трубку. Он внимательно посмотрел на нас. Я сел за стол. Сталин сказал:

— Ну, вот, пусть директор расскажет о своей машине.

Директор рассказал, как идет работа на нашем заводе, подробно ознакомил присутствующих с особенностями машины, только что выпущенной заводом.

— Кто у тебя летал на этой машине? — спросил товарищ Сталин.

— Моиссев и Байдуков, товарищ Сталин. Они здесь присутствуют,—ответил директор.

— Ну, Байдуков, расскажите нам о машине. Чем она вам нравится? Что у нее плохого?—и посмотрел на меня, когда я проходил к модели нашего самолета.

Сталин подошел ближе. Он поглядывал то на меня, то на модель, как бы решая: действительно ли я толковый человек? Можно ли довериться мне как испытателю самолетов?

Я старался рассказать о машине все так, как мне это представлялось с точки зрения летчика. Товарищ Сталин задавал такие сугубо профессиональные вопросы, касающиеся самолетостроения, что я частенько задумывался, чтобы опрометчивым ответом не «ввести в заблуждение» этого простого и величайшего человека, вождя народов.

И здесь я заметил, что Сталин—это человек, который любит послушать, любит посоветоваться с людьми, имеющими непосредственное дело с машиной—самолетом, комбайном, отбойным молотком.

Второе, что меня поразило—это то, что товарищ Сталин знает детально вопрос, интересующий его. Откуда человек, занятый делами государственной важности, знает тонкости авиамоторостроения и летного дела? От многогранной культуры и от гениального всеобъемляющего ума идет эта прозорливость.

И, наконец, третье, что я заметил при этой встрече с товарищем Сталиным,—это его забота о человеке. Наше летное дело—профессия сложная и иногда опасная. Сталин во время заседания допытывался от конструкторов и летчиков: а как этот самолет, не опасен ли при вынужденной посадке? Можно ли из него свободно выпрыгнуть с парашютом? Удобно ли экипажу работать? И если получал отрицательный ответ, начинал спокойно, но весьма внушительно доказывать, что самолет, опасный для жизни, не есть советский самолет, что его нужно выбросить или переделать так, чтобы люди, самый ценный капитал в жизни, были окружены максимальными удобствами. В авиации нет мелочей. Из-за мелочей часто гибнут люди. Этого мы не можем допускать.

Внимание к человеку, огромное, неизмеримое человеколюбие—это третье, что я заметил у товарища Сталина на деловом заседании.

★

Из-за гор выглянуло солнце. Курорт Сочи начал свою жизнь с мацестинских ванн, купаний, прогулок и теннисных встреч.

Наша дача, как всегда, пробудилась с восходом солнца. Моя дочь Эммочка в семь часов уже кричала над моим ухом.

День намечался ясный, веселый. В девять утра послышался басистый голос Чкалова. Чкалов уславливался с одним из отдыхающих о предстоящей партии на биллиарде.

Беляков занимался французским языком. Я с дочкой убежал на тенисную площадку.

В десять часов все сидели за завтраком. Вдруг раздался телефонный звонок. К аппарату вызвали Чкалова. Он вышел в коридор и спустя несколько минут позвал меня. Я увидел взволнованное лицо Валерия. Это было необычайно для меня.

— Слушай, Егор, товарищ Сталин сегодня в шестнадцать часов приглашает нас с женами к себе,—сказал Валерий тихим взволнованным голосом.

— Что ты с утра начинаешь фантазировать?—И я повернул было прочь.

Но выражение глаз моего друга и его слегка вздрагивающие пальцы, потянувшиеся к коробке за папиросой, заставили меня поверить, что, может быть, он и не шутит. Да и разве можно шутить такими вещами?

И мною овладело волнение. Сердце забилось частыми радостными ударами.

— Да, да, Егор! Ровно в шестнадцать часов к товарищу Сталину,—сказал Чкалов.

Мы, счастливые, побежали к своим женам поделиться важной новостью. Не описать их радости и изумления.

Буквально через пять минут с завтраком было покончено.

Каждый по своему переживал предстоящую встречу. Но в одном мы были единодушны: поскорее закончить свои личные дела! И вот, кто пошел к парикмахеру побриться, кто начал отглаживать платье, кто бегом бросился на берег купаться. То и дело, поглядывали мы на часы, и каждый из нас втайне проклинал этот механизм, так медленно передвигающий стрелку... Хотелось скорей увидеть еще раз этого милейшего человека, близкого нам друга по нашей работе. Но как ни торопись, солнце диктует время. Наконец стрелка подползла к 15.30.

Пора выезжать, а Чкалов никак не может напялить крахмальный воротничок. Он спешит, со всех сторон на него кричат, торопят... В конце концов я предложил ему надеть шелковую косоворотку, как у меня. Валерий послушался. Через десять минут мы уже мчались на автомобиле вслед за Михаилом Ивановичем Калининым к товарищу Сталину.

Нас подвезли к темнозеленой даче, окруженной фруктовыми деревьями.

Товарищи Сталин и Жданов ожидали нас на улице у парадного входа. Сталин, радушно здороваясь, внимательно оглядывал

каждого. Очевидно, он проверял, поднабрали ли мы на курорте сил.

Исключительная простота, искренняя скромность товарища Сталина сразу привлекают к нему и вызывают необыкновенное чувство расположения. Товарищ Сталин знакомится с моей женой и женой Белякова. Расспрашивает, как отдохнули. Затем ведет к даче, по дороге рассказывая о каждом кустике и дереве, которых так много здесь.

Видно, Сталин очень любит фруктовые деревья.

У одного лимонного куста он заботливо поправляет бамбуковую палочку, поддерживающую отяжелевшие от плодов ветви. Срывает листья эвкалипта, растирает на руке и дает понюхать. Сильного запаха эвкалипта, оказывается, не терпит малярийный комар. Мне очень неловко, что я не знаю действия этого замечательного дерева. Иосиф Виссарионович рассказывает мне, как американцы избавлялись от комара во время постройки Панамского канала и при освоении болотистой Австралии.

Так мы незаметно обошли весь сад. Затем, обратившись к гостям с вопросом: не пора ли кушать?—наш хозяин повел нас к себе и попросил осмотреть комнаты. Здесь было все исключительно просто, чисто.

По пути в столовую Сталин, открывая шторы и оконные рамы, спросил: готов ли стол?

Жданов сильно закашлялся. Его кашель был очень похож на кашель Чкалова. Я сказал об этом и заметил:

— Простуда у авиационных работников—болезнь профессиональная.

Иосиф Виссарионович начал возмущенно говорить о том, что конструкторы и заводы еще мало работают над усовершенствованием электрообогревания, что часть вины за это ложится и на летчиков, которые не следят за своим здоровьем и не требуют от промышленности улучшения условий их работы. Сталин тонко подмечал наши авиационные недостатки, обнаруживая при этом явное недовольство тем, что еще не все летчики пользуются парашютом при аварийных положениях. Лучше построить тысячи новых самолетов, чем губить летчика! Человек в глазах Сталина—самое дорогое.

Затем зашел разговор о метеорологии. Товарищ Жданов был когда-то большим любителем этого дела. Он рассказал, что во время нашего перелета внимательно следил за изменениями метеорологической обстановки. Я обнаружил, что Жданов прекрасно

разбирается в законах метеорологии, отлично знает названия стационарных циклонов Европы и Севера.

Так, оживленно беседуя, мы всей группой подошли к веранде, на которой были видны расставленные кегли.

Иосиф Виссарионович предложил сыграть. Сам первый взял шар и, ловко пустив его по доске, сбил короля и нескольких солдат. После него стал играть Беляков. Когда уже наигрались вдоволь, Сталин посоветовался с гостями—не пора ли приступить к обеду? Все выразили согласие. Он повел нас к столу. За обедом все держались очень непринужденно и весело: так приветлив был хозяин. Я все время чувствовал себя необыкновенно легко, как на большом веселом празднике.

Первый тост товарищ Сталин провозгласил за гостей, затем за того, кто вывел на светлую дорогу Россию — за товарища Ленина. После хозяина дома тосты предлагал Жданов.

После обеда наша тройка обратилась к товарищу Сталину с планами насчет полета через Северный полюс. Иосиф Виссарионович доказывал, что мы еще недостаточно изучили все материалы и что к этому делу нужно еще крепче подготовиться, что нужно как следует изучить метеорологические условия. Нужны еще метеостанции. С этим делом нельзя рисковать, нужно делать все без «авось», наверняка.

Сталин любит авиацию. Он с увлечением говорит о полетах Коккинаки, Алексеева, Юмашева и других летчиков.

Незаметно разговор перешел на прошлое. Иосиф Виссарионович рассказал нам, как, будучи в ссылке, он чуть не погиб в Енисее, когда провалился в полынью и вынырнул, уже обледеневший, перед глазами собравшихся у проруби женщин. Женщины с испугу побросали коромысла, ведра и убежали в деревню. Долго пришлось уговаривать, чтобы пустили отогреться. Только исключительно крепкий организм спас его тогда от смерти.

Потом Иосиф Виссарионович рассказывал, как во время возвращения из ссылки один ямщик вез его за «аршин водки». Ямщик подряжался добросовестно везти только при условии, если на каждой остановке будет получать сверх всего этот самый «аршин водки».

Аршин составлялся в длину из стопок, в которых подавалось вино в дорожных постоялых дворах. Ямщик оставался доволен пунктуальным выполнением договора, после каждой станции он веселел и веселел. И наконец при прощании все говорил Сталину:

— Хороший ты мужик. Откудова ты такой, парень?

Во время этого рассказа Иосифа Виссарионовича я сидел рядом и видел, как поблескивали его глаза, как они загорались искренним смехом. Он умеет так рассказывать, что слушатели от души хохочут вместе с ним.

Перешли в просторную соседнюю комнату. Сталин показал карточки своих детей. Он с большой нежностью говорил о дочке Светлане. Она недавно уехала в Москву. У нее начались занятия в школе.

— Она у меня дисциплинированная—раз начались занятия, значит нужно учиться!

Иосиф Виссарионович бережно поставил карточку на место. Мы его стали просить, чтобы он отдал нам на память фотографии, где он снят вместе с ребятами. Что делать с такими напористыми гостями? Он взял три карточки и отложил, чтобы завернуть в пакетики.

Сталин просит молодежь потанцовать. Сам идет выбирать пластинку, заводит патефон, ставит плясовую.

Когда танцоры исчерпали свой репертуар, Сталин, все еще не отходивший от патефона, выбрал пластинку с хоровой волжской песней. Поставив ее, он сам стал подпевать, и мы хором грянули протяжную русскую песню. Сталин, видимо, в Сибири выучился петь и очень ладно подтягивал запевавшему Жданову.

Так мы дружно пели бы еще и еще, если бы не пора было собираться Михаилу Ивановичу Калинину. Он уезжал из Сочи.

После проводов Калинина Чкалов лег отдохнуть на кушетку и крепко заснул. Иосиф Виссарионович достал одеяло, тщательно накрыл Валерия и, открыв настежь дверь веранды, вновь начал развлекать нас плясовыми русскими и грузинскими песнями. Уже часов в одиннадцать Жданов позвал всех играть в биллиард.

Игра затянулась. Когда я посмотрел на часы, было около половины второго ночи. Не хотелось уезжать от этого исключительного человека, такого обаятельного, так покоряющего своей мудрой простотой. Но ведь ему больше, чем кому бы то ни было, нужно отдыхать.

Распрощавшись с товарищами Сталиным и Ждановым, мы уехали к себе на дачу, на всю жизнь запечатлев в сердце замечательный образ простого, радушного хозяина, гениального вождя.

Г. БАЙДУКОВ.

САМЫЙ ЧЕЛОВЕЧНЫЙ ИЗ ЛЮДЕЙ.

В первый раз я увидела товарища Сталина 8 марта 1935 года. Группе слушательниц Военно-воздушной академии было поручено приветствовать в день 8 марта московские организации, собравшиеся в Большом театре. Нам сказали, что обязательно будет товарищ Сталин, и больше всего нас волновало то, что придется приветствовать именно при нем.

Мы собрались за кулисами, страшно волновались, решали, кто как будет выходить. Я должна была командовать группой и волновалась больше других.

Наконец подали сигнал, и группа девушек в летной форме вышла на сцену. Совершенно не глядя себе под ноги, мы в первые секунды выхода видели перед собой только президиум и искали глазами Сталина. Но Сталина в президиуме не было. Мы были очень огорчены. Каждая из нас не раз представляла себе этот момент: как это мы выйдем, как увидим Сталина. И вдруг его нет... Правду говоря, мы как-то сразу завяли. Но потом посмотрели на оживленный зал и пришли в себя; общий подъем передался и нам.

Едва мы ушли со сцены и направились в ложу, чтобы послушать заседание, как в зале поднялся необычайный шум, аплодисменты, крики «ура». Второпях мы бросились в первую попавшуюся ложу, никто не мог сдержать наш поток. В ложе замерли — на сцене, за столом президиума, стоял товарищ Сталин. Каждой хотелось обязательно поближе его увидеть; мы толкали друг друга, пробираясь вперед.

Несколько минут народ не успокаивался, а я во все глаза смотрела на сцену, на Сталина. Я видела Сталина первый раз в жизни.

Сталин стоял как символ, как воплощение всей партии, всего народа, революции и нашей жизни—все воплотилось в этом человеке, в образе, навсегда оставшемся в наших глазах.

Народ был сильно возбужден. Хотелось что-то кричать, мы были просто вне себя.

Все, наконец, утихли, начали садиться. Товарищ Сталин тоже сел. В это время из 7—8 ряда партера, по проходу, который ведет к оркестру, побежала маленькая девочка и, приблизившись к сцене, звонким-звонким голосом крикнула:

— Спасибо товарищу Сталину!

Это было что-то потрясающее. Народ начал снова кричать, аплодировать, всех снова точно подхватил возглас малышки.

Когда все успокоилось, начались снова приветствия. Мы смотрели на Сталина, нам хотелось запомнить, как он сидит, как смотрит, как поворачивает голову. Хотелось запомнить все до мелочей.

★

Когда, возвращаясь с Дальнего Востока, мы подъезжали к Москве, у нас было примерно такое же настроение, как три года назад в театре. Мы все время думали о том, что увидим товарища Сталина, представляли себе, как это произойдет. Все заранее переживали, обсуждали. Особенно Полина Осипенко ни минуты не могла устоять на одном месте, она все время ходила. Если что-нибудь ей загораживало путь, она машинально отодвигала и продолжала шагать по коридору вагона. Взволнованная Полина просила нас еще и еще раз проверить, все ли в порядке: хорошо ли надета шапка, правильно ли завязан галстук...

Тут же, в поезде, приближаясь к Москве, мы обсуждали, кто из нас, если будет можно, сядет рядом с товарищем Сталиным, и решили, что сяду я, так как Полина и Валя были в гостях у Молотова и виделись там с Иосифом Виссарионовичем, а я в это время была больна и лежала в больнице.

До сих пор нельзя без волнения вспомнить, как встретила нас Москва. Наши родные, друзья и все москвичи, встретившие нас, как своих дочерей, и мы сами были как-то слиты одним большим чувством, название которому трудно дать. А когда мы подъезжали к Кремлю—как нам не терпелось! Все стучало и прыгало внутри...

Но вот и Кремль. Мы направились в Грановитую палату со своими ребятами, родителями, родными. По пути наши друзья летчики, с которыми мы вместе работали, учились, наперебой задавали нам вопросы, но мы ни о чем не могли тогда говорить.

Мы вошли. Там было уже немало народу. Встретили нас горячо и усадили за столами на передних местах, ближе всего к еще не занятому столу. Мы поняли, что за этим столом будут сидеть члены правительства, будет сидеть Сталин, и все время смотрели туда, даже стремились определить на глаз, на каком стуле сядет товарищ Сталин. Решили почему-то, что, наверное, сядет в середине.

Наконец мы увидели товарищей Кагановича, Ворошилова, Молотова, за ними вошел товарищ Сталин. Мы вскочили, как будто боялись, что Сталин нас не увидит. Я и Полина на секунду задержались, посмотрели на своего командира—Валю: бежать к столу или не бежать? Но, когда Сталин помахал нам рукой, мы кинулись к нему, нарушив всякую очередность экипажа. Вся сияющая, Валя обратилась к товарищу Сталину:

— Товарищ Сталин, разрешите вас поцеловать!

Он улыбнулся и спросил Ворошилова:

— Что же, разрешим?

Валя поцеловала товарища Сталина первая, затем Полина и я. А внутри у нас все горело от крайнего волнения.

Нам протягивали руки товарищи Ворошилов, Молотов. А я, как сейчас помню, все время думала: сяду я рядом с товарищем Сталиным, или Валя забудет о нашем уговоре? Я толкнула ее и говорю:

— Я сяду рядом с товарищем Сталиным.

— Садись.

Я стала рядом, не отхожу и думаю: он будет садиться и я сяду. Потом спросила:

— Можно сесть рядом с вами?

— Пожалуйста,—ответил мне Сталин.

И я села между Сталиным и Ворошиловым: с правой стороны Ворошилов, с левой—Сталин, рядом со Сталиным—Молотов, потом Валя и Полина.

Как только мы сели, товарищ Сталин обратился в мою сторону. Он смотрел на меня слегка прищурившись, таким характерным, проникновенным взглядом и спрашивал: как я чувствовала себя в тайге, как там ночевала. А я была ошеломлена этой встречей, чувством, что товарищ Сталин сидит рядом, и совершенно ничего связного не могла ему ответить. С трудом подбирала слова, и, кроме: «Да, товарищ Сталин», «Нет, товарищ Сталин», у меня ничего не получалось.

Увидев, что я никак не могу притти в себя, товарищ Сталин завел за столом общий разговор. Я думаю, что он просто решил выручить меня и дать мне возможность оправиться. Через несколько минут товарищ Сталин спросил:

— Где же ваши ребята?

Мы показали, где сидит Валин Соколик, где моя Татьяна.

— Давайте их сюда,—сказал Сталин.

Ребята подбежали к столу. Товарищ Сталин привстал к ним навстречу, взял маленького Соколика на руки. Потом подбежала Таня. Сталин и ее усадил к себе на колени.

Дети на руках у товарища Сталина! Не только мы, матери, но и все остальные, не сводя глаз, смотрели на Сталина с ребятами на коленях.

Соколик посидел немножко и убежал — он маленький еще, не понимает, а Татьяна прямо на Сталина смотрит, подает ему руку и здоровается.

— Ай, ай, ай, что ты мне сделала с рукой!—воскликнул Сталин и показал, что у него пальцы на руке склеились.—Как же я теперь буду работать!

Таня, поняв шутку, расшалилась, стала раздвигать ему пальцы и говорит смеясь:

— Нет, я вам руку не сломала!

Потом обращается к товарищу Ворошилову и говорит:

— А я видела вашу лошадь на параде.

Ворошилов рассмеялся и, обращаясь к товарищу Сталину, сказал:

— Она видела мою лошадь на параде, а меня не заметила.

— Нет, вы сидели на вашей лошади, а на другой—Буденный.

Все весело смеялись.

Я посадила Таню между собой и Ворошиловым. Она очень быстро освоилась. Если ей что-нибудь нужно было передать со стола, она обращалась к товарищу Ворошилову таким тоном, словно это сидел ее папа.

Сталин начал рассказывать Тане о своей дочке Светлане. Говорил, что Светлана с первого класса учится отлично. Татьяна торопливо перебила:

— И я на «отлично» учусь.

Она пригнулась ко мне и на ухо спрашивает:

— А почему он такой простой, товарищ Сталин?

Я ничего не смогла ответить, кроме:

— Потому, что это товарищ Сталин.

Ответила я коротко, но Таня, кажется, поняла меня.

Моя дочка разговаривала с товарищем Сталиным просто, очень спокойно отвечала на все вопросы, и я подумала: почему же я не могу отвечать так же просто, как она?

Председательствовал за столом товарищ Молотов. Он приветствовал нас очень теплой речью, поздравил с перелетом и открыл ужин тостом за наше здоровье. Первой отвечала на приветствие товарища Молотова Валя Гризодубова. Как и все мы, она очень волновалась, говоря о большой заботе партии и правительства, давшей возможность совершить этот перелет, вырастившей советских девушек такими, что они могут так летать.

После Гризодубовой взяла слово Полина. Она подошла к репродуктору и заговорила деловито, важно,—она всегда так говорила,—а сама все время косилась одним глазом на товарища Сталина. Конца ее речи я уже не слышала, так как сама попросила слова и обдумывала, что я буду говорить. Очень многое хотелось мне сказать всем собравшимся и товарищу Сталину.

Я подошла к репродуктору. Рядом со мной стал товарищ Сталин. Я хотела ему и всем, кто сидел в зале, передать особенное спасибо за то, что меня одну искали в тайге, когда всех уже нашли. Из-за одного человека продолжали такие гигантские поиски! Товарищ Сталин лично следил, как велись розыски, давал самые конкретные указания как искать, приказал выбросить десантников-парашютистов. Мне хотелось особенно поблагодарить товарища Сталина за такую заботу об одном человеке. Помнить стольких людей и каждого человека в отдельности, столько внимания уделить поискам одного советского человека! Невольно вся моя речь оказалась посвященной товарищу Сталину.

Я повернулась к нему лицом и говорила ему одному. Я говорила просто Сталину, а он, опустив глаза, смотрел на стол и слушал.

Когда я кончила, товарищ Сталин пожал мне руку, протянул мне стакан с вином, и мы чокнулись. Я снова села рядом со Сталиным. Но тут он поднялся и пошел к репродуктору. Стало совсем тихо.

Просто, с исключительной ясностью и остроумием товарищ Сталин рассказал о матриархате: каким образом получилось, с точки зрения социальной и материальной, что ведущими были женщины, как произошел переход к земледелию и т. д.

— Вслед за матриархатом последовали годы угнетения, рабства, неравенства с мужчинами.

В заключение Сталин сказал:

— Вот сегодня девушки отомстили за все тяжкие века угнетения женщин.

И поднял бокал за наше здоровье.

Не выдержав, наши родные повскакали со своих мест, побежали к Сталину. Но он сам пошел к ним навстречу, чтобы чокнуться с ними. Потом возвратился к своему столу. Не скрывая счастливых слез на глазах, к Сталину подошла мать Полины Осипенко. Она передала ему подарок от земляков—колхозников Новоспасовки: большой альбом с рисунками прошлого и настоящего этого села. Она тоже многое хотела сказать Сталину, но не могла. Сталин поцеловался с ней, и старушка уже ничего не могла выговорить...

Отец Гризодубовой, старый летчик, тоже попросил слова. Он говорил о том, с каким трудом удалось ему добиться возможности летать, сравнил старые самолеты с тем, на котором летала теперь его дочь. Но и у него не гладко шла речь. Я его поняла, я и сама была в таком состоянии, когда все мысли устремляются только к Сталину и нет слов для того, чтобы выразить то, что переживаешь в эти минуты...

Товарищ Сталин чокался и с каждым из тех, кто оказывал нам помощь в тайге: с летчиками, парашютистами, членами экипажа Сахарова, доктором Тихоновым.

Выступали с речами Герои Советского Союза—летчики. Все говорили главным образом о своих еще не совершенных перелетах, о будущем. Мы тоже попросили, чтобы нам разрешили совершить еще более дальний перелет. Сталин рассмеялся, ничего нам не ответил, но снова попросил у товарища Молотова слова. Это второе свое слово товарищ Сталин обратил к матерям и женам Героев Советского Союза. Он посоветовал им удерживать своих детей и мужей, чтобы они поменьше летали.

— Вот скажи Чкалову: облетите вокруг шарика,—он облетит три раза и будет хохотать. А шариком он называет земной шар.

И товарищ Сталин сказал, что советскому народу и ему, Сталину, дороже всего люди, что нам не так нужно иметь много рекордов, как нужно иметь много хороших, замечательных людей.

— Поэтому,—сказал товарищ Сталин,—мы будем вам мешать так часто летать.

Но после небольшой паузы с улыбкой добавил:

— Впрочем, будем, конечно, и помогать.

В перерывах между приветствиями и тостами товарищ Сталин расспрашивал меня о перелете. Меня больше всего поразило, как хорошо, во всех деталях знает он авиацию. Он расспрашивал о самолете «Родина» так, точно он был авиационным конструктором. Он называл все технические детали самолета именно так, как обычно их называют только летчики и конструкторы.

Товарищ Сталин подробно расспрашивал меня о внутреннем устройстве кабины. Он спросил, почему мне пришлось прыгать, чем это могло быть чревато.

Для меня, как и для всех летчиков, которым я рассказывала о полете и прыжке, было совершенно ясно, что иного исхода быть не могло: я должна была прыгнуть, так как моя кабина могла при посадке стукнуться носом. Между тем Сталин отнесся к этому совсем не так.

— Вам пришлось прыгать только из-за того, что не было прохода в заднюю кабину?—спросил он.

— Да.

— А зачем же строить такие самолеты, чтобы штурман был отрезан от всего корабля? Разве нельзя устроить проход?

Товарищ Сталин развивал мысль о том, какие нужно строить самолеты. Он обнаружил огромные познания не только в области нашей авиации, но и зарубежной. Он рассказал мне, как строят в Германии автожиры, упомянул о подробностях и деталях конструкций вертолетов. Он сказал, что у нас тоже строят вертолеты, которым для подъема и посадки достаточно совсем маленькой площадки и добавил:

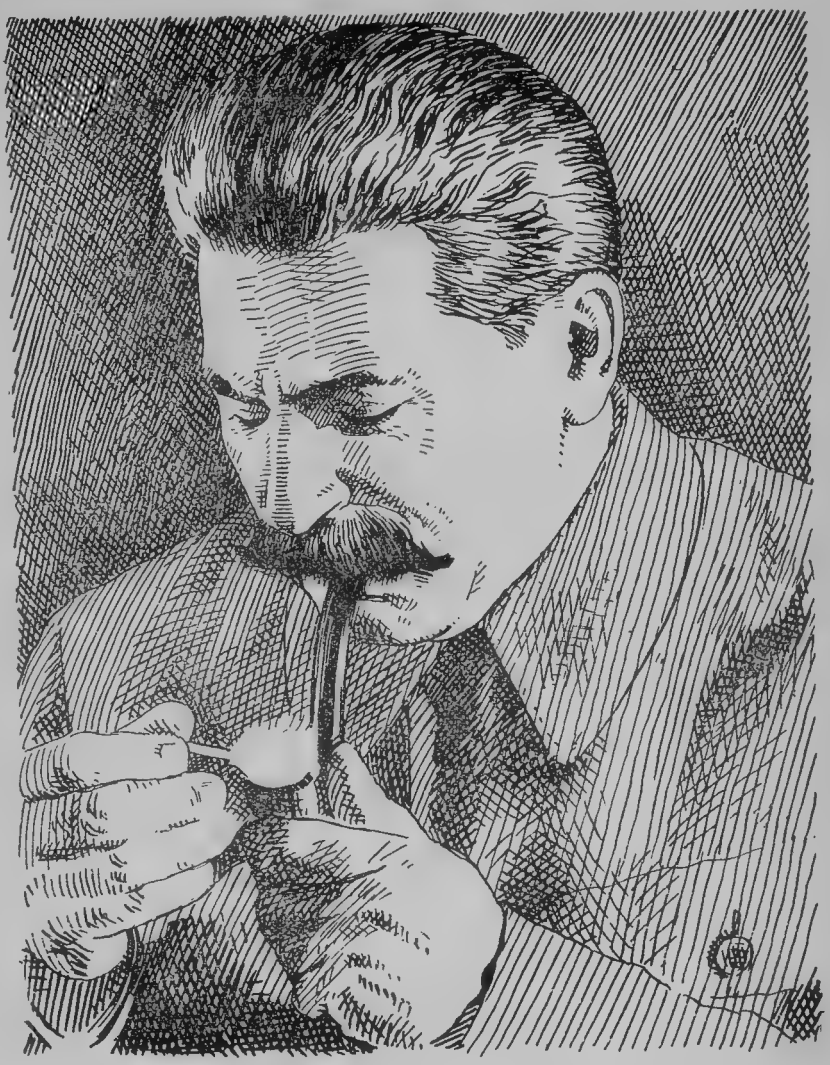
— Правда, в тайге очень пригодился бы вертолет?

Сталин начал обсуждать возможности применения автожиров в условиях трудных посадок в глухих районах, а я смотрела на него и думала: как же много он знает!.. Сколько ему нужно знать, если точно так он разговаривает с людьми самых разнообразных специальностей, с работниками самых различных областей хозяйства! Мне рассказывали артисты, что когда обсуждалась постановка оперы «Иван Сусанин», Сталин напевал напамять мотивы из «Сусанина». Абсолютно все отрасли, с какими бы ему ни пришлось столкнуться, он знает лучше, чем самые лучшие специалисты этих отраслей.

В разгар беседы я вдруг вспомнила:

— Валя, а трубка?

Валя сейчас же извлекла трубку из внутреннего кармана и



передала Сталину этот подарок с Дальнего Востока. Эту трубку подарили нанайцы. Когда мы уезжали из Хабаровска, на вокзал пришли старые нанайцы. Один из них вынул из-за пазухи сверток

и бережно, старческими руками, очень трогательно передал Гризодубовой прекрасное изделие, настоящее произведение искусства—трубку из моржового уса, такого же размера и формы, как та, которую курит товарищ Сталин. На ней резная работа—картины промысла нанайцев, рыбная ловля, охота. «Передайте эту трубку нашему Сталину», сказали старые нанайцы.

Товарищ Сталин взял в руки трубку, долго рассматривал ее, расспрашивал, какую помощь оказывало нам на Дальнем Востоке это разбросанное на большие расстояния население.

Мы снова вернулись в разговорах к Дальнему Востоку. Поразительно то, что Сталин знает всех летчиков, парашютистов, наиболее активных проводников, всех, кто нас разыскивал,—всех знает по фамилии. Он спрашивал почти о каждом. Мы—непосредственные участники перелета, нас разыскивали, нам помогали, но мы не помним фамилий всех, принимавших участие в розысках. А товарищ Сталин знает и помнит о них всех. Он помнит, какой летчик, какой радист, какой механик принимал участие в операциях. Он спрашивал нас, кто из них приехал в Москву. Какую нужно иметь память, внимание, необыкновенную любовь к людям, чтобы все это помнить! Нужно действительно жить интересами всего народа, чтобы помнить стольких людей в отдельности.

В разгар ужина появился красноармейский ансамбль. Сталин и Ворошилов все время подпевали красноармейским песням, которые исполнял ансамбль.

Пришли дочери товарищей Сталина и Молотова, обе Светланы. Говоря о своей дочке, Сталин называл ее: «моя хозяйка». Словами трудно передать интонацию, с которой это произносилось. И мягкость, и материнская нежность к своему ребенку, и, может быть, гордость.

Играя с моей Татьяной, Сталин по одной доставал лежащие на столе гвоздики и отдавал ей. Постепенно у нее образовался целый букет гвоздики. Она держала его обеими руками и ни за что не соглашалась никому отдать свои цветы. Даже если ей хотелось достать какое-нибудь лакомство со стола, она отказывалась от него, только бы не выпускать из рук цветы.

Ужин тянулся очень долго и подходил к концу. Все чувствовали себя так просто, будто сидели в своей родной семье. Товарищ Сталин шутил, играл с ребятами. Разговоры шли простые, спокойные, жизнерадостные.

Однако этот вечер должен был все-таки кончиться.

Товарищ Сталин встал, попрощался с нами, пожелал нам успехов и прежде всего—отдохнуть. Мы смотрели вслед уходящему Сталину, аплодировали ему и взглядами благодарили за все, что он нам дал, и за этот замечательный вечер.

Мы возвращались домой счастливые и окрыленные. Образ Сталина стоял перед глазами каждого, и память непрерывно перелистывала одну за другой страницы этой замечательной встречи.

★

Через несколько дней нам позвонили и сказали, что товарищ Сталин просит нас в Кремль. Мы приехали втроем, и нас провели в рабочий кабинет товарища Сталина. Там были, кроме Сталина, Ворошилов, Молотов, Каганович, второй Каганович—Михаил Моисеевич, и еще несколько человек.

И тут, уже в деловой обстановке, товарищ Сталин попросил нас доложить в малейших деталях и подробностях о нашем перелете. Докладывала Валя Гризодубова, а мы дополняли, отвечая на вопросы. В этой деловой обстановке очень отчетливо, очень ясно встали перед нами величайшие познания товарища Сталина в области авиации.

Мы старались не упустить ни одного слова и ушли с багажом новых познаний, новых мыслей и установок.

Образ этого величайшего человека нашей эпохи, самого человечного из людей и самого умного и прозорливого из политических деятелей, всякий раз расширяется в моем сознании. Нельзя оставаться равнодушным в присутствии Сталина. Глубочайшую любовь и уважение, преклонение перед гением—вот какие чувства вызывает Сталин.

М. РАСКОВА.

БУКЕТ ОТ ПИОНЕРОВ.

Учусь я в 29-ой школе Бауманского района. Перешла в пятый класс.

От нашего 128-го отряда КИМ в параде участвовала я одна. Несколько раз у нас были репетиции на стадионе Юных Пионеров и два раза на Красной площади. На репетициях мы готовили песни и все выступления для показа на Красной площади.

В день парада я проснулась утром в пять часов без пяти минут. С вечера просила папу и маму, чтобы они меня разбудили. Когда папа в половине шестого окликнул меня, я сказала, что уже не сплю. Встала, умылась, позавтракала, пошла за подругой, и вместе отправились в школу. Из школы мы все пошли на сборный пункт нашего полка. После завтрака гуляли, пели песни, танцовали. Около девяти часов утра нам роздали цветы, береты, ленты со значком Бауманского района. Потом со всем пионерским полком Бауманского района направились к Александровскому саду. Здесь был назначен сбор пионерской дивизии.

На всей Красной площади расположились московские пионеры. Я несла большой букет пионов и роз с красной лентой, который мне поручили передать пионеры своему любимому и родному Сталину. И после того, как вся дивизия пионеров в один голос громко, на всю площадь сказала: «Привет родному Сталину!», я подошла к трибуне. Поднявшись по ступенькам, направилась прямо к нему. Все товарищи, которые там были, расступились. Передавая букет, я сказала: «Дорогому Иосифу Виссарионовичу!»..., но смутилась и немножко расплакалась. Я стояла очень близко к Иосифу Виссарионовичу и волновалась, что нахожусь с ним рядом.

Кто-то мне напомнил, что надо отдать букет. Тогда я передала его в руки Иосифу Виссарионовичу.

Он сказал мне:

— Успокойся немножко, а потом расскажешь нам, что тебе поручили передать пионеры.

Слева от товарища Сталина стоял товарищ Ворошилов, а справа—товарищ Каганович. Они сказали:

— Смотрите, делегат к нам пришел.

Потом я успокоилась. Иосиф Виссарионович спросил:

— Можешь сейчас рассказать, что тебе велели передать пионеры?

— Могу,—сказала я.—Дорогой Иосиф Виссарионович! Пионеры города Москвы поручили передать вам этот букет.

Он погладил меня по голове, поцеловал в щеку и сказал:

— Вот молодец!

После этого меня пригласили покушать. Я съела слоеный пирожок с мясом и черешни. Мне завернули сверток с черешнями и дали с собой. Я снова вернулась на трибуну и стала у барьера. По бокам стояли товарищи Ворошилов и Каганович, а посредине, сзади меня, товарищ Сталин. Товарищ Сталин подарил мне коробку шоколадных конфет.

Все время они между собой разговаривали о параде и физкультурниках.

Когда окончилось выступление и проходил Кировский полк, Иосиф Виссарионович спросил:

— Это ваш полк?

— Нет, вот наш,—сказала я, показывая на Бауманский полк пионеров.

— Как твое имя и фамилия?

Я сказала:

— Нина Здрогова.

— А папу как звать?

— Платон Алексеевич.

После этого Иосиф Виссарионович называл меня Нина Платоновна.

Когда окончился парад, Иосиф Виссарионович сказал мне:

— До свиданья, смотри, не забывай нас.

Я отдала ему салют, и, попрощавшись с ним, с Ворошиловым и Кагановичем, я сошла по ступенькам вниз, на площадку мавзолея. Здесь меня обступили. Фотографы стали снимать, а некоторые расспрашивать, о чем со мной говорил товарищ Сталин.

Теперь я хочу сказать еще вот что.

Сначала я волновалась, а потом, когда побыла рядом с товарищем Сталиным, увидела, какой он простой и ласковый, я совсем успокоилась и стала разговаривать.

Я буду рассказывать всем моим товарищам какой ласковый и хороший товарищ Сталин. Я его очень люблю за то, что он много заботится о нас, детях.

Нина ЗДРОГОВА

ПИОНЕРСКИЙ ПРИВЕТ СТАЛИНУ.

Мне выпала большая честь—вместе с другими ребятами приветствовать XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) и ее вождя товарища Сталина от имени пионеров и школьников всего Советского Союза.

Нас было четыреста восемьдесят ребят. А коллективное приветствие должны были читать шесть человек. И я попала в эту шестерку.

Как я радовалась! Трудно об этом рассказать.

Наконец настал этот знаменательный день—18 марта. Утром я вскочила рано и начала бродить по квартире. За что бы я ни бралась, ничего не выходило.

Когда я приехала в Дом пионеров, мы уселись и тихонько еще два раза повторили текст приветствия и потом, чтобы не вспоминать о предстоящем выступлении и не волноваться, начали рассказывать сказки, но они как-то не шли на ум.

В восемь часов усаживаемся в машины. Чтобы нас отвезти, понадобилось пятнадцать автобусов и несколько легковых машин. Ехали мы длинной вереницей, до того длинной, что все прохожие останавливались и смотрели на наш странный поезд.

Вот и ворота Кремля! Мы все очень волновались и поэтому не проронили ни слова.

Въехали в Кремль. Выбежали из машин, построились и пошли в Кремлевский дворец.

Нам не терпелось. Скорей, скорей!

Нам дали цветы. Каждому досталось по два больших букета. Мы с Люсей Ионовой сговаривались, кто кому отдаст свой букет, и не услышали команды.

Вдруг распахнулись двери и раздались звуки фанфар. А сердце так забилось, что я думала, оно у меня выскочит. Особенно я волновалась, когда мы начали подниматься по ступенькам в зал.

Я глазами начала искать товарища Сталина, и я увидела его. Он стоял за столом президиума, в серой тужурке, простой и ласковый, улыбался такой доброй, нежной, ободряющей улыбкой, что я перестала волноваться. Вот он, дорогой Иосиф Виссарионович!

Я так обрадовалась, что не выдержала и подтолкнула шедшего впереди меня октябренка Шурика, чтобы и он тоже посмотрел на товарища Сталина. Он посмотрел и, не заметив ступеньки, шлепнулся, и его цветы рассыпались по полу. Мы и делегаты, стоявшие рядом, начали со смехом поднимать смутившегося и покрасневшего Шурика.

Из-за этого происшествия мы отстали от всей колонны и бегом бросились ее нагонять.

Когда мы взошли на трибуну, делегаты долго еще стоя нас приветствовали. Потом мы начали читать наше приветствие.

Мы передали от всех ребят Советского Союза делегатам XVIII съезда партии и товарищу Сталину наш горячий пионерский привет:

«Мы пришли сегодня сюда, чтобы в этот радостный день за все, за все, что дала нам наша великая родина, от самого сердца сказать искреннее пионерское спасибо нашей партии и любимому Иосифу Виссарионовичу Сталину.

...И кем бы мы в жизни ни стали,
И где бы наш путь ни лежал,
Мы будем такими, чтоб Сталин
Нам тоже спасибо сказал».

Каждая фраза нашего приветствия вызывала бурные, долго не смолкающие аплодисменты и дружное «ура» в честь товарища Сталина.

Каждый из нас, как только кончал свою фразу, повертывался к товарищу Сталину, стараясь на всю жизнь запомнить образ дорогого и любимого, родного человека.

Как только мы закончили приветствие, мы бросились к столу, чтобы передать букеты цветов товарищу Сталину и его соратникам.

Я передала свои букеты Вячеславу Михайловичу Молотову и Клименту Ефремовичу Ворошилову. Большой букет цветов передала товарищу Сталину самая маленькая в нашей делегации —

октябренок Таня Ахапкина. Когда она подошла к товарищу Сталину, Иосиф Виссарионович обнял ее, поднял и поставил на стол президиума и начал вместе со всеми аплодировать.

Этот день произвел на меня неизгладимое впечатление, и память о нем останется у меня на всю жизнь.

Нина МОЛЕВА.

ПОДАРКИ ТОВАРИЩА СТАЛИНА

Я—пионерка из колхоза Сталинабадского района. Мне двенадцатый год. Учусь я хорошо, у меня по всем предметам «отлично».

Часто после школы я помогала колхозникам собирать хлопок.

У нас была норма: нужно было собрать двадцать килограммов хлопка в день. А вышло так, что когда я стала работать, я собирала почти сто килограммов в день.

Почему я собирала так много хлопка? Это очень просто: все собирали хлопок только одной рукой, а я—двумя руками.

Когда работала, не отвлекалась. Работать—так работать!

Я показывала многим колхозникам и колхозницам, как собираю хлопок, и они тоже научились. После этого они собирали уже не по двадцать килограммов, а много больше.

Меня приглашали в соседние колхозы, чтобы я рассказала, как работаю. А это так просто: обеими руками!

Когда у нас в Таджикистане выбирали делегацию самых лучших колхозников и колхозниц для поездки в Москву, меня тоже выбрали делегаткой.

И вот, вместе со всеми, я приехала в красную столицу.

День 4 декабря я никогда в жизни не забуду. В этот день я увидела товарища Сталина!

Он со мной поздоровался и, улыбаясь, спросил:

— Ну что, Мамлакат? Как ты учишься?

Я сказала, что учусь хорошо. Рассказываю, а сама во все глаза смотрю на товарища Сталина. Сколько раз я его видела на портретах, а сегодня вижу живого, настоящего!

Я преподнесла товарищу Сталину в подарок книгу.

Это было его произведение о Ленине, впервые выпущенное на таджикском языке.

Я уже передала ему книгу и вдруг вспомнила, что забыла сделать на ней надпись.

Я сказала:

— Отец Сталин! Дай мне книгу на минутку назад, я надписать забыла.

Товарищ Сталин ласково улыбнулся, дал мне книгу, и я на ней написала по-таджикски.

«Отец Сталин! Я хорошо учусь!»

И подписалась.

Тогда Сталин обнял меня, поцеловал, взял свою фотографическую карточку и быстро написал:

«Мамлакат Наханговой. За хорошую учёбу и работу.
И. Сталин».

И протянул карточку мне.

Эта карточка—самый дорогой, самый ценный подарок в моей жизни. И я, кажется, самая счастливая. Я карточку всегда буду беречь и хранить!

Товарищ Сталин сделал мне и другой подарок—надел на мою руку золотые часы.

Когда я приеду домой, в Таджикистан, соберу всех ребят и буду долго-долго рассказывать обо всем подробно, как я была в Москве, и как я видела товарища Сталина, и как говорила с ним.

Я до сих пор хорошо училась и хорошо работала. А теперь буду еще лучше учиться и еще лучше работать.

Мамлакат НАХАНГОВА.
Награждена орденом Ленина.

ЭТОТ ДЕНЬ Я НИКОГДА НЕ ЗАБУДУ.

Я—пионерка. Мне пятнадцать лет. Живу в Тбилиси, учусь в 3-й грузинской трудовой школе. Занимаюсь по всем предметам на «отлично» и, кроме того, работаю вожатой звена в пионер отряде.

Как отличница учебы я была выбрана в состав делегации нашей республики для поездки в Москву. Вся наша делегация была на приеме у нашего великого и родного Сталина. Я выступала. Зная, что меня слушают Сталин, Молотов и другие руководители партии и правительства, я очень волновалась. Мне хотелось рассказать все, ничего не забыть. Я рассказала о своей школе. У нас учится много ребят разных национальностей, и все они живут счастливо и дружно. Мои товарищи просили передать Сталину, что мы стараемся учиться так, чтобы он мог сказать нам: «Отлично, ребята!» Вот об этом я и говорила в своем выступлении.

Когда я кончила, товарищ Сталин подошел ко мне и пожал мне руку.

Этот день я никогда не забуду. В перерыв ко мне подошел товарищ Берия и сказал, что меня зовет к себе на квартиру товарищ Сталин.

Мы пришли.

На квартире, кроме нас, были товарищи Молотов, Ворошилов, Орджоникидзе, Каганович и Микоян. Товарищ Сталин познакомил меня со своей дочерью Светланой. Мы с ней очень дружно беседовали. Она тоже отличница.

Светлана показала мне свои игрушки, интересный китайский паровозик; говорила, что очень любит играть в куклы.

Когда мы попрощались, Светлана просила меня по приезде в Тбилиси передать горячий привет ее бабушке.

Этери ГВАНЦЕЛАДЗЕ.
Награждена орденом „Знак Почёта“

ВСТРЕЧА С ТОВАРИЩЕМ СТАЛИНЫМ.

Сидел я в первом ряду, слушал, что говорят колхозники-животноводы, а сам не спускал глаз с товарища Сталина. Рядом со мной сидел пионер Ваня Чулков из колхоза «Безбожник». Шло последнее заседание. Хотелось запомнить на всю жизнь Сталина, заметить каждое его движение, каждую улыбку. Ведь, когда в деревню вернешься, первое, о чем тебя спросят:

— А товарища Сталина видал?

Вдруг вижу—Иосиф Виссарионович улыбается и рукой подзывает нас к себе в президиум. Мы вскочили с мест и понеслись к товарищу Сталину.

— Как вас зовут?

Он меня на «вы» назвал.

Я ответил:

— Миша Кулешов.

— Учитесь в школе?

— Да, в пятом классе.

— Молодец!—сказал Иосиф Виссарионович и крепко меня обнял.

Я от радости не знал, что делать.

— Ну, готовься, выступать будешь, — сказал мне товарищ Сталин.

Слышу—аплодисменты. Когда кончил выступать колхозник, объявили:

— А теперь слово имеет пионер Миша Кулешов, шеф телят из колхоза «Красный луч» Белевского района Московской области.

Мне подставили табуретку, и я стал рассказывать как мы начали шефствовать и сколько вырастили телят. Когда я сказал, что выходил восемнадцать телят, десять жеребят и пару коней для Красной Армии, все стали аплодировать. Еще я рассказал про то, как учусь, сколько у меня отличных отметок, и про то, что

мы делаем в пионерском отряде. Потом повернулся я к президиуму и говорю:

— Имею просьбу к товарищу Сталину. У нас в колхозе нет Дома пионеров. Я прошу, чтобы товарищ Сталин помог нам в этом деле.

Когда я кончил, опять пошел в президиум. Товарищ Ворошилов пожал мне руку и, улыбаясь, сказал:

— Молодец! Возьмем твоих коней.

А товарищ Сталин обнял меня, взял на руки и поставил на стул. Он крепко пожал мне руку и сказал:

— Поможем, поможем.

Никогда еще я не был так счастлив, как в тот вечер!

Миша КУЛЕШОВ.
Награжден орденом „Знак Почёта“

СОДЕРЖАНИЕ

На школьной скамье. *Д. Гогохия* 3
Таким я его себе представляю. *А. Стаханов* 9
Два дня моей жизни. *Н. Дюканов* 21
Я видел Сталина (из дневника). *Г. Байдуков* 23
Самый человечный из людей. *М. Раскова* 30
Букет от пионеров. *Нина Здрогова* 40
Пионерский привет Сталину. *Нина Молева* 43
Подарки товарища Сталина. *Мамлакат Наханова* 46
Этот день я никогда не забуду. *Этери Гванцеладзе* 48
Встреча с товарищем Сталиным. *Миша Кулешов* 49

Ответств. за выпуск
С. Н. Шавердова

ВФ 03308. Заказ 355. Тираж 3000. 3 1/4 печатных листа. В одном печатном листе 41600 печ. знаков. 2,5 авторских листа. Подписано к печати 5/VII 43 г.

Типография Армгиза, Ереван

ЦЕНА 3 Р. 50 К.

7805

21